

К. ЦУКЕРМАН ЕПИСКОПЫ И ГАРНИЗОН ХЕРСОНА В IV ВЕКЕ¹.

Упоминания Херсона в ранневизантийских исторических сочинениях хоть и нередки, но крайне эпизодичны. Авторы, обозревающие империю из столицы, упоминают далекое северное побережье Понта как место ссылки, как зону контактов или столкновений со степными народами; их мало интересует история региона сама по себе. Разбросанные данные историографов в значительной степени пополняются результатами более чем столетних раскопок Херсона, причем находки включают известное число надписей. Эти свидетельства, современные отражаемым в них событиям или недалеко от них отстоящие, закономерно составляют базу традиционно-позитивистской истории Херсона. Но есть и другой вид источников, на удивление изобильных, которые сосредоточены на Херсоне и иногда даже рассказывают его историю от имени самих горожан. Это херсонские легенды. Наиболее известное - это собрание легенд с явными чертами исторического памфлета, которое повествует о затяжной войне между Херсоном и Боспором, о находчивой и храброй даме Гикии и о древних пошлинных привилегиях города. Текст этот несомненно произвел впечатление на Константина Багрянородного, поскольку тот включил его, несмотря на его неадминистративный характер, в свой трактат "Об управлении империей"². Целый ряд легенд сложился вокруг мученичества папы Климента, якобы утопленного с якорем на шее невдалеке от херсонского берега при императоре Траяне. Скала на дне морском чудесным образом превратилась в храм-усыпальницу, и раз в год море отступало, позволяя херсонцам пройти сквозь воду и отпраздновать день памяти святого там, где покоилось его тело.

Так называемая Корсунская легенда, по-разному адаптируемая в нескольких древнерусских источниках, описывает крещение князя Владимира в Херсоне; крещению же предшествует изнасилование Владимиром дочери местного "князя" в присутствии ее родителей и казнь этих последних. Наконец, до нас дошел цикл рассказов о святых епископах Херсонских при Диоклетиане и Константине.

В то время, как след Херсона в "реальной" истории зачастую прослеживается лишь с трудом, образ легендарного Херсона привлекает внимание богатством деталей и толкает исследователей на рационализацию легенды. Для ранневизантийского периода это искушение усиливается ощущением того, что почти полное молчание историографов скрывает критический поворот в судьбе города. В то время, как более значительные города приходят в упадок, не столь уж выдающийся по античным меркам Херсонес Таврический не только выживает, но и становится основным бастионом империи на северном побережье Черного моря, метрополией и столицей фемы. Жития св. епископов Хер-

¹ Настоящая публикация представляет собой значительно переработанный и расширенный перевод третьей части статьи *The Early Byzantine Strongholds in Eastern Pontus // Travaux et Memoires 11, 1991, pp. 527-553 (esp. pp. 544-552)*.

Автор благодарен директору и хранителям фондов Херсонесского музея за радушный прием и за возможность поработать в лапидарии, и организации INTAS за финансирование поездки в Крым летом 1995 г.

² Constantine Porphyrogenitus, *De administrando imperio*, vol. 1 (текст), ed. Gy. Moravcsik - trad. R.J.H. Jenkins (Corpus Fontium Historiae Byzantinae 1), Washington 1967, pp. 258-285; vol. II (комментарий), ed. R.J.H. Jenkins, London 1962, pp. 205-209; есть и комментированный русский перевод: Константин Багрянородный, *Об управлении империей*, под редакцией Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева, 2-ое изд., М., 1991.

сонских поддерживают убеждение в том, что возвышением своим город был обязан не случаю, а сознательно проводимой имперской политике: основы церковного и военного значения Херсона закладываются никем иным, как Константином Великим. Неудивительно, что для многих исследователей византийского Херсона участие его епископа в первом Вселенском Соборе в Никее (325 г.) и размещение в нем гарнизона самим Константином - это "факты, ставшие уже хрестоматийными"³. Так легенда возводится в ранг истории.

Целью настоящей работы не является отрицание исторической основы епископских Житий. Мы лишь надеемся показать, что в наиболее известной версии легенды датировка событий сместилась, удревнив их на несколько десятилетий. Этот критический анализ становится возможным благодаря данным иной, почти забытой версии текста, которая возвращает епископов и гарнизон в присущий им период. Затем мы займемся разбором текста, включенного в трактат Константина Багрянородного.

Память св. епископов Херсонских празднуется 7-го марта. Под этой датой греческие минеи сохраняют две пространные версии их деяний, а сокращенная версия фигурирует в разных обработках в синаксарях. Одна из пространных версий читается в минее императора Михаила IV (1034-1041), ее опубликовал и изучил В.В. Латышев вместе со славянской версией близкой ей по содержанию⁴. Другая пространная версия была лишь недавно напечатана Ф. Алкэном по рукописи XIV века, текст этот возможно восходит к дометафрастовской минее⁵. Несмотря на отсутствие текстуальных совпадений и расхождения в содержании, на которых мы остановимся ниже, рассказ их в основном совпадает. Данные обоих текстов не только дополняют друг друга, но и в некоторой степени органически воссоединяются в грузинском переводе Житий, который вероятно ближе всего передает утерянный прототип всей этой традиции⁶. Сокращенная синаксарная версия близка к тексту Алкэна.

Согласно этим источникам, церковь Херсона является духовной дочерью древней Иерусалимской церкви. На шестнадцатом году правления Диоклетиана, в разгар гонений, епископ иерусалимский Гермон решает, что настал час проповедать евангелие варварам на берегах Понта. Среди посланных им миссионеров находится Василей, которому предстоит нести слово Божие тавроскифам Херсона. Но, несмотря на редкое чудо воскрешения мертвого мальчика, миссия его вскоре завершается мученическим венцом. По уведомлению одного из немногих обращенных Василеем, еще три иерусалимца, Евгений, Агафодор и Еллидий, все трое - епископы, прибывают из Геллеспонта и возглавляют херсонскую церковь. Однако язычники теперь знают, за чем дело стало, и тут же предают мученической смерти всю епископскую группу разом. Иерусалимская церковь-мать не сдается. В Херсон посылается другой епископ, по

³ С. А. Беляев, Вновь найденная ранневизантийская мозаика из Херсонеса // ВВ 40, 1979, с. 126. О гарнизоне пойдет речь ниже; что же касается Никейского Собора, то как показал Е. Honigmann, *La liste originale des peres de Nicee* // *Byzantion* 14, 1939, p. 17-76 (voir p. 55), появление в некоторых списках его участников епископа Херсонского Филиппа является плодом позднейшей контаминации и никаким историческим авторитетом не обладает. Более того, Беляева явно не смущает тот факт, что в списках фигурирует Филипп, тогда как согласно Житиям, херсонскую кафедру занимал во время собора Капитон.

⁴ В.В. Латышев, Жития св. епископов Херсонских // Записки Императорской Академии Наук по историко-филологическому отделению, VIII, 3, СПб 1906.

⁵ F. Halkin, *La passion des sept eveques de Cherson (Crimee)* // *Analecta Bollandiana* 102, 1984, p. 253-261.

⁶ В.В. Латышев (введение) и К. Кекелидзе (перевод), Жития св. епископов херсонских в грузинской минее // Известия императорской археологической комиссии 49, 1913, с. 75-88. Высокая оценка текста принадлежит Латышеву.

имени Эферий. Относительно его судьбы источники расходятся. Минея Михаила IV не позволяет ему даже ступить на землю Крыма: противными ветрами Эферия относит на остров Алсос, что в устье Днепра, там он умирает от болезни и там же похоронен. Текст же Алкэна и синаксарь, напротив, приписывают ему блестящую карьеру. Оказывается, что "зима эллинского безумия тем временем окончилась", и "весна благочестия улыбнулась". А именно, Эферий, который в этой версии благополучно достигает Херсона и обнаруживает, что же за паства ему досталась, отправляется, не тратя времени на пререкания с язычниками, в Константинополь и приносит жалобу Константину Великому. Из столицы он возвращается "подкрепленный отрядом солдат", изгоняет всех идолопоклонников из города и селит на их место христиан. Затем епископ вновь отбывает, дабы доложить об успехе операции императору. Но на обратном пути из Константинополя в Херсон он и в этой версии умирает в устье Днепра.

После Эферия прибывает Капитон. К этому времени и в минее Михаила IV христианство побеждает, и все вышеназванные версии Житий сходятся на том, что новый епископ был назначен Константином Великим и что император послал с ним в Херсон отряд в пятьсот солдат. Описания приема Капитона несколько рознятся в зависимости от роли, отводимой в каждой из версий Эферию. В минее Михаила IV полные самоуверенности язычники призывают епископа доказать истину своего вероучения делом и войти в горящую печь, где пережигается известь для нового храма. В тексте же издайном Алкэном язычники уже совершенно деморализованы суровыми мерами Эферия и ищут лишь повод, чтобы перейти в новую веру, не потеряв лица, и получить возможность вернуться в свой город. Тут им подворачивается горящая печь - правда, неопределенного назначения, т. к. изгнанные язычники, естественно, и помыслить не могут о строительстве храма в Херсоне - и Капитону предлагается обследовать ее изнутри. Епископ принимает вызов, но требует, чтобы язычники привели своих детей и отдали их солдатам в качестве заложников своего обращения, если чудо произойдет. Он вступает в печь в полном епископском облачении и выходит неопаленный. Пораженные язычники осознают истину учения Христа, и весь город воссоединяется на строительстве церкви, посвященной Святому Петру. Текст минеи Михаила IV, который вообще богаче местными деталями, добавляет, что позже Капитон испросил у императора приказ оставить в Херсоне навсегда солдатский отряд, столь верно ему помогавший.

Многие детали рассказа вызывают недоумение историка. Активизм иерусалимской церкви в деле обращения Херсона никак не объясним: подобного рода ее инициативы в пост-апостольскую эпоху не засвидетельствованы ни в Причерноморье, ни в других регионах. Одновременное пастырство трех епископов, канонически абсурдное, выглядит как неуклюжая попытка пристроить к месту сразу три имени из древнего списка епископов, не сохранившего ни жизнеописаний, ни дат. Использование имперских войск для насильственного обращения язычников мало соответствует религиозной политике Константина. Наконец, имя Эферия Херсонского фигурирует в списке участников второго Вселенского Собора в Константинополе в 381 г., более чем полстолетия спустя после кончины Эферия Житий⁷. Обычное объяснение, что то был Эферий вто-

⁷ N.Q. King, *The 150 Holy Fathers of the Council of Constantinople 381* // *Studia Patristica*, vol. 1, Berlin 1957, p. 639.

рой, принявший имя своего знаменитого предшественника⁸, грешит анахронизмом: современный - и позднесредневековый - обычай принимать новое имя при вступлении на епископскую кафедру древней церкви незнаком. Однако, уже Леккиен предполагал, что был лишь один Эферий и что его деятельность следует отнести к эпохе Феодосия I⁹. Текст, который вряд ли был известен Леккиену, доказывает, что интуиция его не подвела.

В то время, как память епископов Херсонских совместно празднуется 7-го марта, наиболее выдающийся среди них, Капитон, удостоился отдельного поминовения 22-го декабря. Несколько синаксарей помещают под этой датой краткое описание его деяний. Назначение Капитона приписывается в них "великому императору Феодосию ... после смерти епископа Эферия". Дальнейшее поведение Капитона вполне соответствует тому, чего следовало ожидать от епископа времен Феодосия Великого. Он прибывает в город с твердым намерением превратить храм херсонского "идола Парфения" в церковь Святого Петра. Он-то и строит печь для пережигания известняков: в рамках нового строительного проекта ее назначение получает логическое объяснение. Да и чудо, совершенное Капитоном, выглядит в этом контексте несколько по-иному, ибо он, несомненно, чувствовал себя уютнее в собственной печи¹⁰.

При том, что синаксарная статья от 22-го декабря и тексты, читающиеся 7-го марта, отражают одну и ту же традицию и возможно восходят к общему источнику, первая никак не зависит от последних. Лишь синаксарная статья сохраняет память о храме богини Девы (Парфенос) - основном "капище" языческого Херсонеса. Насильственное превращение храма в церковь вполне вписывается в ряд подобных актов эпохи царствования Феодосия Великого: в середине 380-ых годов префект претория Востока Матерн Кинегий проводит при активном участии епископов массовую кампанию по закрытию языческих храмов, и в 391 г. публикуется закон, окончательно запрещающий их функционирование¹¹. Однако, основной вклад синаксарной статьи заключается в уточнении хронологии епископов: она однозначно устанавливает тождество Эферия, предшественника Капитона, с одноименным ему участником собора 381 г.¹²

Таким образом, "контрольная группа" источников - синаксарная статья от 22-го декабря и список участников собора 381 г. - позволяет устранить

⁸ Например, Латышев, цит. соч. (прим. 3), с. 21.

⁹ M. Le Quié, *Oriens Christianus*, vol.1, Paris 1740, col. 1329.

¹⁰ Текст в *Sinaxarium ecclesiae constantinopolitanae*, ed. H. Delehayе, Bruxelles, 1902, col. 336-338. Латышев, цит. соч. (прим.4), с. 20-22, которому была известна лишь краткая и неисправная версия текста, опубликованная в *Patrologia Graeca*, vol. 117, col. 221, по сути отмахнулся от нее, полагая, что ее редактор выправил дату служения Эферия "Первого" по списку участников собора 351 г. Эта гипотеза, тем менее вероятная, что в синаксарной статье и речи нет об участии Эферия в соборе, опровергается самостоятельностью синаксарного описания в целом, которая не ограничивается датой.

¹¹ G. Fowden, *Bishops and Temples in the Eastern Roman Empire A.D. 320-435* // *Journal of Theological Studies*, N.S. 29, 1978, pp. 53-78. Факты захвата христианами языческих храмов отмечаются уже при Констанции II, но этому процессу положил конец Юлиан Отступник, вернувший храмы язычникам, и до середины 380-ых годов дальнейших покушений на них не отмечено.

¹² В.М. Зубарь, *Херсонес Таврический и Римская империя*, Киев. 1994, с. 142-144, высказывает возможность идентификации епископа Эферия - участника собора 381 г. с имперским сановником - а по мнению Зубаря, первым магистратом Херсона - Евфирием, упомянутым в строительной надписи IOSPE, I², № 450 (о которой см. ниже, прим. 15). Эта гипотеза явно натянута - ни о какой близости имен *Αιδάριος* и *Ευφύριος* не может быть и речи. Также по недомоту автор привлекает (с.144), как косвенное подтверждение принятия христианства городской верхушкой Херсона в конце IV в., надпись с крестом, опубликованную Э.И.Соломоник, Новые эпиграфические памятники Херсонеса, Киев 1973, № 134. Вновь опубликованный фрагмент этой надписи определяет ее дату последней трети VI в., см. Э.И. Соломоник, Несколько новых греческих надписей средневекового Крыма // ВВ, 47, 1966, с. 213-214.

хронологический сдвиг, искаживший картину проникновения христианства в Херсон в Житиях св. епископов Херсонских. Желание позднейших агиографов связать обращение города с именем Константина Великого привело к искусственному сжатию событий. Однако, достаточно их "декомпрессировать", чтобы многое встало на свое место. Устраняется парадокс одновременного пастырского служения Евгения, Агафодора и Елпидия - это, очевидно, предшественники Эферия, деятельность которых падает на вторую и третью четверть IV столетия. Вряд ли, конечно, они могли быть в эту эпоху замучены язычниками. Эферий взшел на епископскую кафедру до 381 г., вероятно, как мы увидим, еще при Валенте, а назначение Капитона следует датировать серединой 380-х - началом 390-х годов, до смерти Феодосия I (395 г.). Если верить традиции, отраженной в Житиях, население Херсона оставалось до прибытия Капитона в основном языческим.

Во всех версиях легенды успех миссии епископов неразрывно связан с прибытием в Херсон отряда имперских войск. В тексте, изданном Алкэном, и в связанных с ним синаксарных статьях воинская часть прибывает уже при Эферии, по другой версии отряд в пятьсот солдат впервые прибывает с Капитоном. Хоть утверждение в городе христианства наверняка и не являлось целью присылки войск, как то полагает агиограф, установленный им синхронизм весьма примечателен. Не менее любопытна для нас традиция, сохранившаяся в минее Михаила IV и в грузинской версии легенды, согласно которой присланная часть превратилась в постоянный гарнизон. После того, как по ходатайству Капитона "Константин Великий" отдал приказ оставить командира Феону и его людей в Херсоне навсегда, им была выделена для поселения восточная часть города, "от региона так называемой малой агоры до места, называемого Парфенон. С тех пор и поныне квартал, прилегающий к церкви апостола Петра, называется Феонин." Горожане были выселены оттуда, чтобы освободить место для солдат и для поселившегося поблизости от них епископа - этот эпизод, несомненно, и послужил источником традиции об изгнании язычников в тексте, изданном Алкэном¹³. Грузинская версия Житий указывает в заключение, что люди Феоны смешались с херсонитами и стали их согражданами.

Если Жития представляют появление гарнизона в Херсоне как результат укоренения в городе регулярной имперской части, то легенды, сохраненные Константином Багрянородным, отражают иную традицию. Из этого текста следует, что херсониты были весьма искусны в стрельбе из ручных баллист и что с помощью этого оружия они сумели оказать важную помощь Риму - сперва при Диоклетиане, когда его полководец Констант (имеется в виду Констанций Хлор) вел борьбу с сарматами в Лазике, а затем на Дунае, когда сам Константин Великий воевал там со скифами. В награду за заслуги Константин пожаловал херсонитам, вдобавок к освобождению от налогов, ежегодно тысячу аннон (эквивалент базового солдатского жалования), а также обязался посылать жилы, пеньку, железо и масло для их баллист, "чтобы были вы баллистарии". Завершающую ключевую фразу этого описания я перевожу, следуя, в основном, английскому переводу текста: "Херсониты, получая эти анноны и разделив их меж собой и своими сыновьями, создали воинскую часть. Потому-то и поныне их сыновья, по примеру исполнения военной

¹³ Объяснение же тому, что "место, называемое Парфенон," связывается с церковью апостола Петра, мы находим в синаксарной статье от 22-го декабря - ведь эта церковь заменила храм богини Парфенос, а примыкающий к ней район сохранил, как оказывается, старое название.

исполнения военной службы их родителями, встают в ряды этой воинской части". Недавно опубликованный русский перевод трактата "Об управлении империей" передает этот пассаж несколько иначе: "Херсониты, получая эти анноны и разделив их меж собою и своими сыновьями, снарядили [должное] число [воинов]. Таким образом, вплоть доныне их сыновья зачисляются в [это] число сообразно с состоянием стратии родителей"¹⁴. Основное различие вытекает из того, что авторы перевода понимают слово "арифмос" в его основном смысле "число", а не в более специальном, хоть и весьма банальном в позднем греческом значении "воинской части", которое, как мне кажется, подсказывается контекстом. Как бы то ни было, из текста следует, что Херсон располагал своего рода народным ополчением из баллистариев, которое было преобразовано в регулярную часть и поставлено на государственное довольствие при Константине I.

Название части - которое Жития епископов не сохранили - возвращает нас на твердую историческую почву. Присутствие в Херсоне гарнизона, состоящего из "преданных баллистариев", засвидетельствовано надписью конца царствования Зенона (457/8 г.)¹⁵. Надпись с посвящением императорам Феодосию и Аркадию - и тем самым датируемая временем после смерти Валентиниана II (май 392), но до коронации Гонория (январь 393) - несет свидетельство об укреплении стен Херсона стараниями трибуна Флавия Вита и "механиков"¹⁶. Термином "механик" обозначается архитектор, но также и специалист по строительству военных машин: по определению современной надписи текста, "mechanicus, qui instrumenta belli faciat necessaria"¹⁷. В отряде баллистариев их несомненно было несколько, и возможно, что именно военные инженеры, а не гражданские архитекторы руководили отстройкой стен Херсона и что Флавий Вит был командиром отряда. Наконец, хорошо известная фрагментарная строительная надпись 369-375 гг. сохранила отрывок слова VAL, который интерпретируется как начало названия части баллистариев¹⁸. Использование баллист в поздней античности - в эту эпоху они мечут не камни, а толстые

¹⁴ De administrando imperio, p. 267; "Об управлении империей," с. 255.

¹⁵ В.В. Латышев, Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России, СПб. 1896, № 7; хорошая фотография в фотоальбоме Херсонес Таврийский, Киев 1989, с. 67.

¹⁶ IOSPE, I², № 450; дата в А.Н.М. Jones, J.R. Martindale and J. Morris, The Prosopography of the Later Roman Empire, Cambridge 1971, p. 972, s.n. Flavius Vitius. Предложенное Латышевым дополнение конца надписи δι' Εὐφύριου τοῦ [μ]εγαλο[π]ρεπιστάτου κομητοῦς? невозможно по причине, указанной Зубарем, цит. соч. (прим. 12), с. 142-143: очень высокий имперский сановник, комит, оказывается непосредственным исполнителем работ, за которыми надзирает офицер рангом ниже, трибун. Зубарь предлагает восстановить δι' Εὐφύριου τοῦ [μ]εγαλο[π]ρεπιστάτου ἀρχοντος vel πρωτεύοντος?, превращая Евфирия в первого магистрата города Херсона. Однако, при этом возникает проблема узурпации херсонским магистратом почетного эпитета μεγαλοπρεπιστάτος, которым наделялись лишь высшие чины империи; к тому же очевидно, что исполнителем работ является сам трибун Флавий Вит с механиками. Проще восстановить ἐπι' Εὐφύριου τοῦ [μ]εγαλο[π]ρεπιστάτου κομητοῦς?, "при Евфирии и т. д.", что ставит Евфирия на иерархическую ступень над трибуном. Если следовать нашему анализу ниже, это должен быть magister militum Фракий.

¹⁷ Firmicus Maternus, Mathesis VIII, 27, 5, ed. W. Kroll, F. Skutsch, K. Ziegler, vol. II, Leipzig 1913, p. 341.

¹⁸ Э.И. Соломоник. Латинские надписи Херсонеса Таврического, М. 1983 (далее Соломоник), № 3. В английском варианте этой статьи мною было предложено, с. 550-551, как возможное восстановление стк. 12-14, decemprimo/[devotissimorum mecha]n[ic]orum seu bal/[listariorum iunioru]m или Dafnensi]m. Это предложение основывалось на фотографии, опубликованной Соломоником, и на указании издательницы (со ссылкой на Ростовцева), что стк. 13 читается на камне N. ORUMSEUBAL. Осмотр надписи в лапидарии Херсонесского музея, однако, показал, что опубликованная фотография ненадежна (она отражает в значительной степени прорисовку, сделанную по камню карандашом), что прочтение N в начале строки практически исключено и что от основанного на нем восстановления следует отказаться.

камни, а толстые деревянные дровишки огромной пробивной силы - описано во многих источниках. *Notitia Dignitatum Orientis*, заключающая полный список регулярных воинских частей Восточной империи в самом начале V в., указывает пять легионов баллистариев в составе "центральных" войсковых групп (*comitatenses*).

Некоторые исследователи довольствуются самым общим соответствием описания Константина Багрянородного реалиям IV в., дабы заключить, что "в настоящее время нет никаких оснований сомневаться в исторической достоверности фактов, сообщаемых этим автором"¹⁹. Однако, на тех же общих основаниях Латышев и Шестаков отстаивали историческую достоверность распространенной версии Житий св. епископов Херсонских²⁰. Как и Жития, описания эпизодов из херсонской истории в трактате "Об управлении империей" нуждаются, на самом деле, в детальной проверке. Средством контроля здесь может послужить как критический анализ самого текста - параллельными версиями мы в данном случае, не располагая - так и более критичное привлечение источников IV в.

Начнем с того, что описание херсонского ополчения в трактате включает в себе техническую неувязку. Оружие херсонитов описано как хироволистры, ручные баллисты. Этим редким греческим термином, калькой с латинского *manuballista*, обозначается предок средневекового арбалета²¹. У Вегеция, пишущего ок. 386 г., стреляющая мелкими стрелами *manuballista* фигурирует, в полном соответствии с этимологией термина, как ручное оружие пехотинца, явно отличное от крупногабаритной стационарной баллисты²². Манубаллистой оперируют, согласно Вегецию, трагулярии или манубаллистарии, баллистой же - как о том наиболее явственно свидетельствуют Иоанн Лид и Маврикий - баллистарии²³. Херсонские ополченцы именуются в трактате "Об управлении

¹⁹ Зубарь (см. прим.12), с.147. Последняя глава книги Зубаря в значительной степени и посвящена реабилитации рассказа Константина, "который на протяжении длительного времени недооценивался как зарубежной, так и отечественной историографией" (с.133). Там же и библиография вопроса.

²⁰ Латышев, цит. соч. (прим. 4), с. 34-38; С.П.Шестаков, Очерки по истории Херсонеса в VI-X веках по Р. Хр. (Памятники Христианского Херсонеса 3), М. 1905, с. 13-25. Апология Житий у Шестакова по-прежнему заострена против критики И. Франко, Святейший Климент у Корсуні, Львів 1906, книга которого мне, к сожалению, осталась недоступна.

²¹ Ценный технический анализ, основанный на находках IV в., в работах Д. Баатца, см. N. Gudea und D. Baatz, *Teile spätromischer Ballisten aus Gornea und Orsova (Rumanien)* // *Saalburg-Jahrb.* 31, 1974, S. 50-72 (там же и новый перевод трактата "Хироволистра", приписываемого Герону Александрийскому); D. Baatz, *Recent Finds of Ancient Artillery* // *Britannia* 9, 1978, pp. 1-17, see pp. 11-16; обе статьи перепечатаны в сборнике D. Baatz, *Bauten und Katapulte des römischen Heeres (MAVORS XI)*, Stuttgart 1994. Ресурсы литературных свидетельств у T.G. Kolias, *Byzantinische Waffen (BYZANTINA VINDOBONENSIA XVII)*, Wien, 1988, S.240; N.Petrin, *Philological Notes on the Crossbow and Related Missile Weapons* // *Greek, Roman and Byzantine Studies* 33, 1992, pp. 265-291, see pp. 265-268 (к сожалению, Н. Петрэн остались неизвестными как работы Баатца, так и монография Колиаса). В английском переводе трактата термин хироволистра передается как *arbalest*; в русском издании термин не переводится и специально не комментируется.

²² *Flavius Vegetius Renatus, Epitoma Rei Militaris*, II, 15; III, 14; IV, 21, edited with an English translation by L.F. Stelten, New York 1990, p. 90-91, 176-177, 258-261. О дате трактата, С. Zuckerman, *Sur la date du traite militaire de Vegece et son destinataire Valentinien II* // *Scripta Classica Israelica* 13, 1994, p. 67-74.

²³ *Ioannes Lydus, On Powers or the Magistracies of the Roman State*, I, 46, ed. and trad. A.C. Bandy, Philadelphia 1983, pp. 72-73; *Das Strategikon des Maurikios XII B*, 6, ed. G.T. Dennis - E. Gamillscheg (*Corpus Fontium Historiae Byzantinae* 17), Vienne 1981, S. 422-423. Н. Петрэн (см. прим.20), с. 265-268, оспаривает это очевидное объяснение термина баллистарий - откладывая разработку альтернативной его интерпретации до будущей статьи - на том основании, что Вегеций, II, 2 (ed. Stelten, p. 66), включает баллистариев в перечисление легковооруженных легионеров (*levis armatura*). Аргумент Петрэн является, однако, чистым недоразумением. Естественно, что баллистарии, солдаты второго боевого эшелона, не вступающие в непосредственный контакт с противником (см. ниже), не

империей" баллистариями²⁴, и описание проводимых ими военных операций не оставляет сомнения в том, что оружием их были, на самом деле, именно баллисты. Каждый раз, когда херсониты собираются в поход, будь то на сарматов под Боспор или на дунайских скифов, они водружают свои "хироволистры" на специальные повозки, красочно, хоть и несколько анахронично, именуемые в русском переводе трактата "боевыми колесницами". Эта деталь в точности соответствует тому, как описывают перемещение баллист "Стратегикон" Маврикия и, вслед за ним, "Тактика" Льва Мудрого²⁵, в то время, как хироволистры-арбалеты могли, естественно, переноситься и без повозок.

Отмеченная нами терминологическая неувязка, думается, неслучайна. Дело в том, что херсонские стрелки выступают в трактате в несвойственной баллистариям роли - из вспомогательной боевой силы они превращаются в основную ударную. Как уже было отмечено, Вегетий упоминает легионных баллистариев среди бойцов второго эшелона. Подробнее их роль описана Маврикием. Повозки, на которых укреплены баллисты, расставляются на расстоянии выстрела из лука позади боевого строя пехоты, причем большая и лучшая их часть сосредоточивается на обоих флангах²⁶. Таким образом, баллисты содействуют отражению фланговой атаки; более того, если пехотный строй прогибается под напором наступающих сил противника, те попадают под перекрестный обстрел баллист. Единственным в своем роде конкретным примером применения баллист в походных условиях является описанный Аммианом Марцеллином (XVI, 2, 5-6) поход цезаря Юлиана на аламаннов летом 356 г. С отрядом, состоящим из всадников-катафрактариев и из баллистариев, Юлиан сумел пробиться через занятые противником области Галлии к осажденным городам. Не вдаваясь в детали тактики боя, Аммиан отмечает, что Юлиан сметал перед собою варваров, но из-за тяжести вооружения своих солдат был неспособен преследовать бегущих. Легко догадаться, что баллистарии обеспечивали "артиллерийскую подготовку" для наступающих катафрактариев, ибо дальнобойность их орудий позволяла деморализовать противника до непосредственного с ним соприкосновения. В то время, как у Маврикия и Аммиана баллистарии лишь поддерживают огнем пехоту или конницу, в трактате "Об управлении империей" херсонские стрелки выступают на первый план. В кратком описании похода на скифов, херсониты переправляются через Дунай со своими повозками и "хироволистрами" и повергают в бегство противника. При нападении на Боспор, небольшой отряд херсонитов выманивает боспорян из города в засаду, где скрытые с повозками "хироволистры" сеют смерть в их рядах; затем основные силы херсонитов выходят из засады, доканчивают истребление окруженных боспорян и захватывают город. По логике рассказа, вышедшие из засады воины и были стрелки из хироволистр. Эта требуемая сценарием подвижность и

носят защитных доспехов и тем отличаются от тяжеловооруженных бойцов первого эшелона (*gravis armatura*); этот факт никак не свидетельствует о легкости их боевых машин.

²⁴ Наказ Константина Великого "чтобы были вы баллистарии" неверно передан в русском переводе "чтобы вы были стрелками из хироволистр". Столь же неоправдан английский перевод: "so that you may be bowmen".

²⁵ С пассажирами из Маврикия, цит. в прим. 21 и 24, ср. Leonis *Tactica* VI, 27 (ed. R. Vari, I, Budapest 1917, p. 122) и XIV, 83 (*Patrologia Graeca* 107, col. 876).

²⁶ *Mauricii Strategicon* XII B, 18, ed. Dennis-Gamillscheg, p. 456-457.

поливалентность, которой баллистарии не обладали, несомненно и заставила автора рассказа вооружить херсонитов хироволистрадами-арбалетами.

Итак, мы констатируем, что данные трактата Константина Багрянородного противоречивы. В описании боев, где херсонские стрелки наделяются несвойственной баллистариям автономией и подвижностью, их оружием являются хироволистры-арбалеты; в то же время, Константин Великий называет их машины баллистами, а самих солдат баллистариями. Использование повозок также связывается с употреблением баллист. Баллисты, однако, являлись наиболее сложным в техническом плане оружием римской армии, изготовлением их ведали специальные инженеры-mechanici. Автор же нашего описания явно убежден в том, что жители Херсона владели этим родом оружия испокон веков, задолго до того, как Константин пожаловал им материалы для постройки машин и преобразовал их ополчение в регулярную воинскую часть. Выглядит это столь же несообразно, как, скажем, в наше время народное ополчение ракетчиков. Все эти наблюдения наводят на мысль, что описания трактата далеко не современны событиям: сохраненные традицией реалии преломляются и переосмысляются в них заново. Сомнения в достоверности исторических сведений Константина Багрянородного подкрепляются еще и тем, что целая серия надписей дает совсем иную картину военного статуса Херсона в описанную в его трактате эпоху.

Г. Альфельди в своей рецензии на корпус латинских надписей Херсонеса Э.И.Соломоник, предложил новое прочтение трех надписей, которое позволяет заключить о присутствии в Херсоне в позднеримскую эпоху (in der spateren Kaiserzeit) подразделений двух дунайских легионов²⁷. Замечания Альфельди были в основном приняты и развиты Т.Сарновским²⁸. Совсем недавно В.М. Зубарь попытался огульно их опровергнуть, но, как мы увидим ниже, весьма неудачно. Имеет смысл, поэтому, вновь представить читателю тексты, кое в чем уточнить предложенные прочтения и реконструкции и выявить их интерес для избранной нами темы.

В первую очередь, впрочем, следует обратить внимание на фрагмент надписи из Херсона, который Альфельди не рассматривал. Известный по копии Палласа, он издавался Латышевым и был переиздан Ростовцевым (IOSPE, 12, № 656) и Соломоник (№ 2). Зарисовка Палласа, воспроизведенная Соломоник, позволяет следующей транскрипцию:

- 1 AA.VVGG.
- 2 N'BB'CC'
- 3 Л А _ vac.
- 4 ERAMILITARE
- 5 VI'PROTECTO
vac.

Нет, конечно, смысла пытаться сколько-нибудь полно восстановить эту сильно поврежденную надпись. Ограничусь лишь одним замечанием по тексту. В стк. 5 следует, вероятно, предположить небольшую неточность в зарисовке Палласа и читать V<E>PROTECTO, дополняя v(iro) e(gregio)

²⁷ G. Alföldy // *Gnomon* 1984, S. 784-786. Одна из трех надписей, Соломоник № 60, слишком фрагментарна, чтобы быть однозначно интерпретирована.

²⁸ T. Sarnowski, *Wojsko rzymskie w Mezji Dolnej i na Polnocnym wybrzeżu morza Czarnego*, Warszawa 1988, s. 164.

protecto[ro]. Титул *vir egregius* соответствовал офицерскому чину протектора²⁹. Ему должно было предшествовать имя офицера. Как бы то ни было, главное в надписи не зависит от восстановлений. Как указал Ростовцев, сокращенная титулатура в первых двух строчках является посвящением двум Августам и двум Цезарям и тем самым ограничивает дату надписи первой или второй тетрархиями, т.е. царствованием Диоклетиана или Констанция I³⁰ с соправителями (293-305 или 305-306). Выходит, что в это время в Херсоне находился и проводил работы, [op?]era militare - что доказывает, что он прибыл в город не один - римский офицер довольно высокого ранга, протектор. Протекторов мы в частности находим во главе отдельных действующих легионных подразделений, *вексилляций*³¹. Логично, поэтому, рассматривать надпись, вслед за Ростовцевым и Соломоник, как доказательство присутствия в Херсоне римских войск ок. 300 г.

Вторая интересующая нас надпись тоже фрагментарна. Восемь ее кусков были сложены в три сплошных фрагмента М. А. Шангиным³² (=Соломоник, № 53 а, б, с)³³ и дают в транскрипции следующее:

a. 1. SALV	b. 1. ONIE	c. 1. S _ P.
2. AUGG .	2. PATER	2. NIS _ LE
3. MAX	3. .EM	3. .TAL _ ET
4. VIXI .		4. RCUHA

Шангин предложил весьма частичную и совершенно невозможную реконструкцию текста, в которой совмещаются элементы посвящения императорам и надгробия. Она же в основном повторена Соломоник:

- 1 Salv[is d(ominis) n(ostris) duobus imperatoribus]
 Aug(ustis)[beatissimis invictissimis Diocletiano et]
 Max[imiano -----]s P(ubli)(filius)
 vixi[-----legi]onis le[gatus]
- 5 [-----]Ital(iae) et
 [Pann]oni(a)e [-----civis] R(omanus) cui I A
 [---] pater [-----]
 [---]....[-----]

Отвергая эту реконструкцию в целом, Альфельди усмотрел в стк. 4 фрагмента а упоминание *вексилляции* (в засвидетельствованном написании *vixillatio* вместо *vexillatio*), а во фрагменте с - названия легионов, из подразделений которых она состояла: *le/[giones --- I] Ital(ica) et/ {--- II Ne]rculia*. А поскольку легион II *Herculia* был создан при первой тетрархии³⁴,

²⁹ Примеры в статье М. Christol, *La carrière de Traianus Mucianus et l'origine des protectores* // *Chiron* 7, 1977, p. 393-408.

³⁰ А не Константина I, как ошибочно указывается в IOSPE, 12, № 656, а затем и у Соломоник.

³¹ R. Saxe, *Untersuchungen zu den Vexillationen des römischen Kaiserheeres von Augustus bis Diokletian* (Epigraphische Studien 1), Köln-Graz 1967, S. 121.

³² М. А. Шангин, *Некоторые надписи Херсонесского музея* // ВДИ 1938, 3(4), стр. 79-80, № 9.

³³ Фрагмент, отдельно помещенный Соломоник под номером 68 а, представляет собой на самом деле правый кусок фрагмента 53 б. Маленький фрагмент 68 б возможно является, как отмечает издательница, частью нашей надписи.

³⁴ Cf. M. Zahariade, *Legio II Herculia* // *Revue des études sud-est européennes* 21, 1983, S. 247-259.

Об анонимных посвящениях начала IV в., ср. G.L. Gregori, *Nei depositi del Foro Romano e Palatino. Schede epigrafiche* // ZPE, 86, 1991, S. 285-286.

стк. 5: термин *vexillatio* в ед. числе используется для обозначения двух легионных подразделений, ср. посвящение, опубликованное M.Zahariade, *Vexillation in Northern Dobrudja* // *Dacia, N.S.*, 30, 1986, pp. 173-176: *Herculi / vexillatio / leg(ionis) I Itali(cae) / et leg(ionis) XI C(laudiae) P(iae) F(idelis)*; там и другие примеры.

стк. 7: скорее [*legionis*], чем [*leg(ionis)*], так как легко заметить, что написание букв на стк. 7 гораздо более сжато, чем на остальных.

В продолжении текста, которое мы восстанавливать не беремся, уточняясь, несомненно, характер посвящения (алтарь, статуя?), а также, возможно, назывался и тот, кто наблюдал за сооружением монумента по поручению командира *вексилляции*. Но нас интересует в надписи не утерянное, а то, что в ней сохранилось достаточно определенно, а именно, названия легионов I *Italica* и II *Herculia*, и элементы датировки, которые указывают на последние годы III или первую четверть IV в. (см. выше, прим. к стк. 2-3).

Те же легионные подразделения фигурируют и еще на одной надписи, Соломоник № 12, заново прочитанной Альфельди:

Соломоник:

Альфельди:

{-----Val-}

[e]ri[anus]

.... le[g(ionis)]

I Ital(icae) ET

CL Herc(uli?)

posuit.

[имя божества]

vex(illatio)(?)l[eg(ionum)]

I Ital(icae) et

II Herc(uliae)

posuit.

Осмотр нами камня в лапидарии Херсонесского музея вполне подтвердил прочтение предпоследней строки, данное Альфельди. Оно, кстати, в точности соответствует копии Ростовцева, II HERC (IOSPE, I², № 572), которую Альфельди не использовал; Ростовцев же от какой бы то ни было попытки интерпретировать списанную им надпись отказался и тем самым никак не может быть заподозрен в предвзятости. Камень явно является алтарем, навершие которого утрачено. Имя божества, которому он был посвящен, вероятно было высечено на грани верхней выдающейся его части. Надпись на базе алтаря состоит, как и указывает Соломоник, из шести строк, из которых верхняя совершенно не читается. Общая форма посвящения могла быть следующей:

1 [имя божества]

2 {----- Val-}

3 [e]ria[nus? p(rae)p(ositus)]

4 [v]ex(illationis) leg(ionum)

5 I Ital(icae) et

6 II Herc(uliae)

7 posuit

[имя божества], ---- Валериан (имя дается *exempli gratia*), командир *вексилляции* легионов I-го Итальянского и II-го Геркулиева, установил.

Три рассмотренные нами надписи получают совершенно иное освещение в книге В.М.Зубаря. Что касается фрагментарного посвящения Соломоник №

53, автор отвергает восстановление термина *vexillatio*, равно как и названий обоих легионов (с.130-132); альтернативных решений он не предлагает. При этом В.М.Зубарь склонен принять чтение Сарновского *p(rae)p(osito)*, отмечая, что оно "хорошо согласуется с выводом о том, что херсонесский гарнизон представлял собой городскую милицию (*militia armata*), которая в позднеримское и ранневизантийское время возглавлялась префектами или препозитами" (с.139). Но тут автора явно подводит созвучие с русским, ибо латинский термин *militia armata* обозначает отнюдь не милицию, а регулярную военную службу; именно регулярными имперскими частями и командовали препозиты. В надписи Соломоник № 12, Зубарь читает и дополняет, вместо *II Herc(uliae), C[o]h(ors) Ter(tia) G(allorum)*. Типичное для позднеримской графики удлинение верхней горизонтальной галсы E (ср. написание E в слове *et*, Соломоник № 53, стк. 6), превращается у него в лигатуру TE; последняя буква строки, совершенно четкое C, исправляется на G (с.33-35). Мы уж не говорим о спорности прочтения C в начале строки. Все эти усилия, однако, теряют смысл, ибо результат, *C[o]h(ors) Ter(tia) G(allorum)*, с точки зрения латинской конвенции написания названий частей, заведомо неприемлем. Наконец, офицер-протектор, присутствие которого в Херсоне выявляется первой из приведенных нами надписей (Соломоник № 2), оказывается римским командиром местной милиции, ибо "то, что херсонесский гарнизон находился под контролем римского военного командования, не подлежит сомнению" (с.135). В.М.Зубарь готов признать, что подразделения гарнизона командовались "по крайней мере несколькими римскими офицерами"; в нем также "могло служить какое-то количество солдат регулярной армии, которые, например, обучали херсонеситов обращению с баллистами" (с.139-140). Таким образом вырисовывается некое гибридное образование, соединяющее черты регулярной римской части и союзнического ополчения, подобных которому нигде в империи не засвидетельствовано.

Полные натяжек и неточностей возражения В.М.Зубаря лишены реального основания, но в них есть своя логика, и именно поэтому мы на них остановились столь подробно. В самом деле, если следовать той интерпретации надписей, что мы отстаиваем выше, нужно признать, что между 293 и 324 гг. в Херсоне находилась втечение какого-то периода регулярная римская *вексилляция*, состоящая из подразделений двух дунайских легионов, *I Italica* и *II Herculia*. Данные эти явно противоречат описаниям трактата "Об управлении империей." Как верно отметил В.М.Зубарь, в таком случае "совершенно непонятно, почему Диоклетиан, а затем и Константин, обращались не к командованию римскими войсками в городе, а непосредственно к херсонеситам с просьбой о помощи"³⁵. Но поскольку опровергать и переинтерпретировать надписи труд весьма неблагоприятный, приходится поставить под сомнение историческую точность сообщений трактата. Дополнительным основанием для сомнений является тот ранее указанный нами факт, что версия трактата относительно происхождения херсонского гарнизона расходится с традицией, изложенной в Житиях св. епископов Херсонских. Не будем, однако, ограничиваться этим отрицательным выводом и попытаемся дать связную реконструкцию истории гарнизона Херсона на основании всех разобранных нами источников.

³⁵ См. Зубарь, цит. соч., с.134; автор не снимает указанного им противоречия, ибо пять страниц спустя признает, что автохтонный херсонский гарнизон полностью контролировался римскими офицерами. Что же тогда императоры к ним и не обратились?

Напомним, что город Херсонес попадает в орбиту Рима уже в I в. до н.э., в течение последующего периода город навещают римские войска и флот, но лишь во второй половине II в. н. э. в нем помещается постоянный римский гарнизон, состоящий в основном из кораблей Мезийского флота и из подразделений дунайских легионов, *vexillatio Chersonessitana*. Термин этот встречается в надписи, воспроизводящей административную переписку, которая датируется исследователями концом II в. (Соломоник № 1), равно как в недавно найденной и известной пока лишь в русском пересказе строительной надписи 250 г.³⁶ Косвенным доказательством римского присутствия в Херсонесе является греческое посвящение императорам Требониану Галлу и его сыну Вельдунниану (251-253 гг.)³⁷. Затем следы гарнизона теряются до эпохи тетрархии, когда в Херсоне появляется протектор (Соломоник № 2) и вексилляция нижнедунайских легионов I *Italica* и II *Herculia* (Соломоник №№ 12, 53). Точная дата вывода *vexillatio Chersonessitana* нам неизвестна; что же касается новой вексилляции, дата ее появления - не ранее последних лет III в., ибо, как указывалось, легион II *Herculia* был создан при первой тетрархии. Пребывание новой вексилляции в городе вызывает взрыв эпитафической активности (к уже названным надписям следует добавить Соломоник № 57 и возможно также 55-56 и 60), но надписи эти, поскольку они содержат индикации для датировки, не выходят за рамки первой четверти IV в. Затем наша документация обрывается еще на полстолетия и возобновляется лишь в 370-ые годы с появлением надписей, связанных с присутствием баллистариев.

Это распределение эпитафического материала вовсе не случайно. Вексилляция легионов I *Italica* и II *Herculia* явно пробыла в Херсоне недолго. Во всяком случае любопытно указание Зосима, что будущий узурпатор Прокопий, сумев ускользнуть от тех, кого императоры Валентиниан и Валент послали его арестовывать, провел некоторое время в Херсонесе Таврическом и покинул его, опасаясь предательства со стороны горожан³⁸. Историческая достоверность этого сообщения спорна, но для нас знаменательно, что в глазах Евнапия Сардского, у которого Зосим несомненно его позаимствовал, Херсон(ес) представлял собой в 364-365 гг. такое место, где можно было не опасаться имперских чиновников и солдат. Положение меняется в начале 370-ых годов, когда в городе впервые засвидетельствовано присутствие баллистариев. И тут следует привлечь Жития св. епископов Херсонских. Та регулярная имперская часть, которая впоследствии превратилась в постоянный гарнизон Херсона, вероятно действительно прибыла в город в епископство Эферия; только произошло это не при Константине, а при Валенте, и целью присылки солдат было не насильственное внедрение христианства, а обеспечение безопасности города во время затеянной Валентом войны с готами³⁹. Еще более вероятно, что эта часть сыграла свою роль, когда позже, при Феодосии I, преемник Эферия Капитон стал осуществлять политику императора по искоренению язычества. Частью, которая остается в Житиях анонимной, и были, как мы теперь знаем, баллистарии. "Автохтонность" же их являлась свойством не

³⁶ См. Зубарь, цит. соч. (прим. 11), стр. 126-127.

³⁷ Соломоник, цит. соч. (прим. 11), № 123.

³⁸ Zosime, *Histoire nouvelle* IV, 5, 2, ed. F. Paschoud, Paris 1979, tome II, 2, p. 266

³⁹ О применении баллистариев, ср. P. Brennan, *Combined Legionary Detachments as Artillery Units in Late-Roman Danubian Bridgehead Dispositions* // *Chiron* 10, 1980, pp. 553-567. Рассуждения автора иногда чрезмерно схематичны, но в целом он прав, подчеркивая роль баллистариев в укреплении обороны форпостов империи на левом берегу Дуная. Та же роль отводилась им и в Херсоне.

"Автохтонность" же их являлась свойством не изначально, как можно было заключить из трактата "Об управлении империей", а приобретенным, как особенно указывают Минея Михаила IV и грузинская версия Житий.

Как и все регулярные части империи, дислоцированные в Херсоне баллистарии должны фигурировать в *Noticia Dignitatum*. Это могут быть либо *balistarii Dafnenses*, либо *balistarii iuniores*, один из двух легионов баллистариев в составе группы *comitatenses* Фракии (*Not. Dig. Or. VIII, 46-47*). Поскольку места дислокации частей *comitatenses* в Нотии не указываются, однозначная идентификация невозможна. Согласно Житиям, посланный в поддержку Капитону отряд состоял из пятисот солдат; в трактате же Константина Багрянородного указывается, что на содержание гарнизона полагалась ежегодно тысяча аннон. Данные эти не противоречат друг другу. Познеримская аннона, выплачиваемый как правило в перечислении на наличные продуктовый паек, составляла эквивалент жалования рядового. Технические специалисты и младший командный состав получали полторы, две, три и более аннон; жалование офицеров было соответственно выше, а жалование *dux'a* достигало пятидесяти аннон⁴⁰. Точная пропорция обладателей различных чинов по отношению к рядовым в позднеримском легионе нам неизвестна, тем более в отряде баллистариев, где число технических специалистов было гораздо выше обычного. Во всяком случае, распределение тысячи аннон среди пятисот солдат кажется реальным. Обе цифры несомненно округлены, но следует напомнить, что пятьсот человек - это когорта и, тем самым, вполне вероятное число личного состава позднеримского легионного подразделения, каковым являлись баллистарии⁴¹.

Надпись конца царствия Зенона содержит дополнительное указание о статусе части. Там сказано, что деньги на отстройку стен Херсона должны были поступить "из практия (т.е., по смыслу судя, из сборов⁴²) здешнего викарата преданных баллистариев". Как справедливо замечает Латышев, термин викарат, нигде больше в греческом не встречающийся, должен обозначать должность викария (*vicarius*) или область, находящуюся под его управлением. Викарат этот - херсонский, по синтаксису непосредственно связанный с баллистариями; но какой там находился викарий, Латышев не указывает. Викария, командующего баллистариями, следует, естественно, искать среди чинов военных, а не гражданских, и тут имперская табель о рангах позволяет, на наш взгляд, лишь одно решение. Командующие "центральных" войсковых групп в чине *magister militum* имели заместителей-викариев для специальных поручений; известен пример командования гарнизоном "длинных стен" Константинополя, порученного императором

⁴⁰ A.H.M. Jones, *The Later Roman Empire 284-602*, Oxford 1964, p. 644, cf. p. 590f.

⁴¹ Об отдельных легионных подразделениях в пятьсот человек, ср. R.Duncan-Jones, *Pay and Numbers in Diocletian's Army* // *Chron* 8, 1978, pp. 546-548.

⁴² Издатель надписи Латышев объяснил слово практий (*πρακτιον*) как мытница (таможня) на основании схолии к Базиликам, приведенной в словаре Дюканжа; совсем иная интерпретация схолии была, однако, предложена М. Сартром на основании эдикта императора Анастасия, где практий означает чин или должность, см. *Inscriptions grecques et latines de la Syrie, tome XIII: Bostra, № 9046, Paris, 1982, p.118*. Смысл этот явно не подходит к херсонской надписи, где слово практий следует интерпретировать по контексту, исходя из одного из значений глагола *πραττω*, от которого оно образовано, а именно взымать или взыскивать. Как известно, *vexillatio Chersonessitana* содержалась в свое время в частности за счет протеституционной подати; сходным образом какие-то местные налоги - нет оснований уточнять, что то был именно таможенный сбор - были отведены два столетия спустя на содержание баллистариев. Викарат очевидно взыскивал больше, чем полагалось на его содержание, и потому часть сбора была "пожертвована" императором городу на отстройку стен.

Анастасием викарию *magister'a militum praesentalis*⁴³. Командовать же оторванным от империи гарнизоном Херсона было поручено - очевидно не изначально, но во всяком случае в эпоху правления Зенона - викарию *magister'a militum* Фракии. Никакого другого викария в Херсоне вообразить, как нам кажется, нельзя. Следует отметить, что по табели о рангах 413 г. должность викария *magister'a militum* находится на той же иерархической ступени, что и должность *dux'a*⁴⁴. Таким образом упоминание викарата при Зеноне подготавливает появление в Херсоне *dux'a* и тем самым превращение города в центр отдельного регионального командования не позже царствования Юстина II⁴⁵.

В заключение наших исследований вернемся к вопросу, с которого мы и начали - о характере источников, а конкретнее - о легендах. Повелось утверждать - мы уж не стали выяснять с каких пор и от кого - что последняя глава трактата "Об управлении империей" основывается на некой Херсонской хронике или таковою хроникой является. Для английского комментатора трактата Дженкинза, доказательством этого служит та "забота, с которой год каждого события датируется именем 'первенствующего' в Херсоне"⁴⁶. Однако, именем протевона и ограничивается то, что роднит наш текст с хроникой, причем легенда о Гикии датируется именем протевона с тем же тщанием, что и война с сарматами. Так что "хроникообразная" система датировки еще не дает основания утверждать, что текст строится на современных событиям погодных записях. Наоборот, выявленные нами несообразности в описаниях военных походов показывают, что и они отнюдь не велись по свежим следам событий. Вопрос же о том, отражают ли эти описания вообще какие бы то ни было реальные события эпохи тетрархии, выходит за рамки этой статьи⁴⁷.

⁴³ Jones, op. cit. (№ 38), pp. 609, 656.

⁴⁴ Codex Theodosianus VI, 14, 3.

⁴⁵ Дух впервые засвидетельствован в Херсоне в надписи царствия Юстина II и Софии (565-578), см. Соломоник, ВВ 47, 1986 (выше, прим. 11).

⁴⁶ Jenkins, op. cit. (№ 2), p. 205. Дженкинз, впрочем, признает, что на историческое ядро повествования наложилось столько слоев легенды, что обнаружить его ныне невозможно.

⁴⁷ Попытки подвести под описания войн историческую базу и определить их точную дату и участников делались неоднократно, среди последних В. Nadel, *Literary Tradition and Epigraphical Evidence. Constantine Porphyrogenitus' Information on the Bosphoran Kingdom in the Time of Emperor Diocletian Reconsidered // Dialogues d'histoire ancienne* 3, 1977, p. 87-114; В. А. Сидоренко, *Федераты Византии в Юго-Западном Крыму (последняя четверть III - начало VIII вв.)*, Автореф. дисс... канд. ист. наук, СПб. 1994. На легендарном характере описаний настаивает Н. А. Фролова; *Монетное дело-Фофорса (285-308 гг. н.э.) // СА* 1964, 2, с. 34-53; наши наблюдения по тексту также не облегчают задачу защитников его исторической достоверности. Отметим попутно, что совершенно напрасно привлекается, в подтверждение исторической точности описания войн с Боспором, небольшой географический текст, опубликованный М. Шангиным, ВДИ 1938, 4, с. 252-255, и датированный им между 360 и 386 гг. У Константина Багрянородного победоносные херсониты проводят новую границу с Боспором у Кафы, а потом переносят ее дальше к востоку; в тексте же, датированном лишь несколько десятилетий спустя после описанных походов, Кафа упоминается как входящая в границы Херсона (Шангин, с. 255; "Об управлении империей", с. 454; Зубарь, цит. соч. [прим. 11], с. 123). Само название Кафа, считающееся обычно средневековым, "удревняется" таким образом на основании двух согласных источников. Проблема, однако, заключается в том, что дата географического текста, определенная Шангиным, является недоразумением. В тексте упоминается Рагуза, основанная в VII в.; в конце его, на территории современной Венгрии, помещаются Утгры, самое название которых до X в. в греческих текстах неизвестно, см. Gy. Moravcsik, *Byzantinoturcica*, II (Berliner byzantinische Arbeiten 11), Berlin 1958, S. 225-227 (так что переписчик VI в. добавить их, как то полагал Шангин, никак не мог). Дата географического текста и стоящая за ним традиция заслуживают отдельного исследования, но возник он вероятно не раньше, чем трактат "Об управлении империей".

Текст наш, каковы бы ни были его источники, писался на злобу дня. Этот единственный в своем роде исторический памфлет был сочинен в назидание Константину Багрянородному, и история содержит в нем урок. Херсон представляется как лояльный, но самостоятельный союзник империи, освобожденный от пошлиц, получающий определенные обычаем субсидии и содержащий на них свое собственное ополчение. Эта схема, проецируемая в начало IV в., соответствует в идеале ситуации середины X в. Дислокация имперской военной части в Херсоне была бы в этом контексте совершенно неуместна. Историческая традиция гибка. Для автора нашего памфлета автохтонность херсонского гарнизона очевидна, в то время, как редакторов Житий епископов Херсонских отнюдь не смущает факт прибытия в Херсон воинской части из столицы, поскольку целью его становится в их глазах насаждение в городе христианства. И тот и другой текст передает реальные исторические сведения, каждый по своему их отбирая, освещая и, неизбежно, искажая. Извлечение из них данных историком оправдано лишь при возможности перекрестной проверки. Эту специфику исторической эксплуатации легенд мы, в частности, и хотели подчеркнуть в настоящей работе.